

К.В. Истомин

Томский государственный университет,
просп. Ленина, 36, Томск, 634050
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982
E-mail: kistomin@naver.com

О КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ ПОДДЕРЖАНИЯ ЧУВСТВА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

На основе изучения атрибутивного стиля коренного и некоренного населения Республики Коми и Ямало-Ненецкого автономного округа выдвигается предположение, что показываемые ненецкими подростками низкие стабильность и глобальность оценок причин как положительных, так и отрицательных событий вызваны их холистичным когнитивным стилем, который позволяет им сохранять хорошую устойчивость к стрессам и без самоподдерживающей необъективности каузальных атрибуций. Поэтому теория индуцированной беспомощности, возможно, не имеет кросс-культурной валидности: самоподдерживающая необъективность может быть не единственным культурным механизмом психологической защиты от стрессов.

Ключевые слова: атрибутивный стиль, когнитивный стиль, самоподдерживающая необъективность, ненцы, депрессия, алкоголизм, суицид.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-154-165

Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.54.2018, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Введение

Есть ли народы, представители которых более счастливы, т.е. испытывают большую удовлетворенность жизнью, по сравнению с другими народами? Бывают ли культуры, носители которых более склонны к депрессии и неудовлетворенности жизнью? В истории европейской мысли ответы на эти вопросы многократно менялись, пока во второй половине XX в. не стала господствовать мировоззренческая позиция, согласно которой, подобно тому как не бывает умных и глупых народов, не бывает и народов, в силу своих культурных особенностей обреченных на счастье или несчастье. Основную роль в утверждении этой позиции сыграли не столько эмпирические аргументы, сколько то, что представление о культурной обусловленности удовлетворенности жизнью плохо соотносится с гуманистическим тезисом о равенстве человеческих культур и народов. И хотя существование разницы между этническими группами в оценках субъективного благополучия, распространенности клинической и субклинической депрессии и уровне самоубийств отрицать невозможно (см., напр.: [Lester, 2008, p. 51–78]), ее предпочитают объяснять внекультурными факторами: тяжелым экономическим положением, наследием колониализма или тоталитаризма, модернизационным стрессом, демографическими перекосями и т.д.

Однако можно полагать, что объяснения этнических различий в субъективной удовлетворенности жизнью внекультурными факторами не являются достаточными. Во-первых, они чаще всего объясняют эти различия задним числом. Во-вторых, различия в субъективном уровне удовлетворенности жизнью сохраняются между этническими группами, находящимися в равных экономических, исторических и социальных условиях. Но вряд ли существуют какие-либо объективные средовые факторы, избирательно воздействующие на одни культурные группы и безразличные к другим. Следовательно, даже если какие-либо внекультурные условия среды и задают различия субъективной удовлетворенности жизнью у представителей сообществ, проживающих в сходных объективных условиях, то необходимо существует — и подлежит объяснению — механизм, через который эти объективные условия преобразуются в психологические субъективные оценки и диспозиции. Этот механизм необходимо имеет культурную составляющую. Наконец, в-третьих, списывая проблемы на объективные и внекультурные факторы, мы чаще всего отвечаем на вопрос «кто виноват». Вопрос же «что делать» остается без ответа, приобретая особую остроту в контексте исследований проблематики благополучия народов циркумполярной зоны, где такие по-

следствия низкой удовлетворенности жизнью, как алкоголизм и самоубийства, достигают критических показателей. Автора, как этнографа-полевика, неизбежно испытывающего чувство расположения и дружбы к своим респондентам, мало удовлетворяет знание о том, что в проблемах многих и многих из них виноват абстрактный «модернизационный стресс» или, скажем, «наследие насильственного перехода на оседлость». Основанные на этом знании объяснения не только неполны, но еще и не предполагают никаких путей для изменения положения вещей.

Стремление найти эмпирически доказуемую причину низкого уровня субъективной удовлетворенности жизнью, приводящую к высокому уровню самоубийств среди кочевников-ненцев, побудило автора переосмыслить результаты исследования, проведенного им в Ямало-Ненецком автономном округе и Республике Коми восемь лет назад [Истомин, 2011; Istomin, 2012]. Целью исследования было обнаружение факторов, делающих ненецких подростков более подверженными психологическим стрессам и увеличивающих их склонность к депрессии. Его результаты показали, что между ненецкими подростками с одной стороны и русскими и коми подростками — с другой существуют статистически значимые различия в атрибутивном стиле, т.е. системе устойчивых характеристик восприятия и оценки человеком причин происходящих с ним событий. Автор статьи пришел к выводу, что эти различия, скорее всего, имеют культурную природу. Его предположения вызвали критику работы со стороны коллег-этнографов, указавших, что автор грубо нарушил принцип равенства культур. Следует сказать, что, вопреки мнению некоторых из них, материалы исследования не свидетельствовали — и автор не утверждал, — что ненецкая культура как таковая заставляет людей пить, впадать в депрессию и тем более совершать самоубийство. Речь шла о поиске конкретных культурных факторов, способствующих формированию стиля восприятия окружающей действительности, создающего вполне объяснимый риск снижения субъективной удовлетворенности жизнью, достигающего, в случае сильного стресса, критических показателей. Иными словами, автор пытался обнаружить конкретный механизм, в силу действия которого при одинаково высоком уровне стресса, вызванного экономическими, социальными или иными неурядицами, носители ненецкой культуры имеют несколько большую вероятность испытать уныние или впасть в депрессивное состояние, чем, например, носители русской культуры.

Вместе с тем автор признает, что приведенная им в указанных работах интерпретация результатов исследования все-таки оставляла некоторые этические вопросы. Более того, исследование не давало ответа на главный вопрос: как и почему такие особенности атрибутивного стиля могли возникнуть в ненецкой культуре и какую положительную функцию они могли бы выполнять. Это заставляло и самого автора испытывать неудовлетворенность проведенной работой и искать возможность альтернативных интерпретаций эмпирического материала.

В данной статье представлены результаты этого поиска. Мы попытались переосмыслить собранный восемь лет назад эмпирический материал с позиций теоретических концепций этнической психологии и психологии личности. Действительно ли обнаруженные в ходе предыдущего исследования особенности атрибутивного стиля являются культурными артефактами? Если да, то как они могли возникнуть в изучавшихся культурах? Какую адаптивную, позитивную функцию несут для носителей конкретной культуры? Мы предполагали, что ответ на эти вопросы в значительной степени снимает этические ограничения заявляемого нами подхода. Это предположение оправдалось, и, более того, проведенная работа позволила выдвинуть новые предположения о механизмах взаимосвязи между культурой и удовлетворенностью жизнью.

Атрибутивный стиль и теория индуцированной беспомощности

Несомненно, субъективная удовлетворенность индивида своей жизнью зависит от происходящих в его жизни позитивных и негативных событий. Несомненно и то, что влияние, оказываемое этими событиями, не прямое и не автоматическое: событие может совершенно по-разному повлиять на удовлетворенность жизнью индивида в зависимости от того, как он его осмыслит и оценит. Последнее же во многом зависит от индивидуальных особенностей восприятия и мышления, в том числе приобретенных в процессе инкультурации в определенной этнической среде: ведь именно культура, как указывал К. Гирц, дает нам модели того, что думать и чувствовать по отношению к окружающему миру [Geertz, 1973, p. 79–82]. Хотя личностных характеристик и особенностей, способных повлиять на осмысление и оценку событий, достаточно много, на данный момент не подлежит сомнению, что большую роль здесь играют индивидуальные особенности каузальной атрибуции, т.е. того, как человек оценивает причины происходящих в его жизни событий (см. обзоры и исследования в: [Buchanan, Seligman, 1995]).

Интерес к особенностям каузальной атрибуции имеет давнюю историю в психологии личности. Так, еще в середине 1960-х гг. известный американский психолог Дж. Роттер показал существование значительных индивидуальных различий в том, насколько люди верят, что обладают контролем над происходящими вокруг них событиями [Rotter, 1966]. Он ввел понятие «локус контроля» (locus of control) для обозначения этого аспекта человеческой личности. Согласно теории Роттера, индивидуальные локусы контроля различаются по параметру интернальности/экстернальности: люди с интернальным локусом верят, что обладают высокой степенью контроля над происходящими с ними и вокруг них событиями и способны влиять на них; наоборот, личности с экстернальным локусом контроля сознательно или подсознательно уверены, что степень их контроля над происходящими в их жизни событиями низка и что их жизнь находится во власти факторов, действующих вне их контроля, такими как случай или судьба [Rotter, 1966, 1975, 1990]. Роттер предполагал, что степень интернальности/экстернальности индивидуального локуса контроля оказывает влияние на целый ряд когнитивных и аффективных процессов, в том числе на восприятие качества жизни. Немного упрощая мысль Роттера, можно сказать, что чем более экстернален личностный локус контроля, тем большую беспомощность должен испытывать человек перед лицом негативных жизненных событий и тем тяжелее их переживать. Поэтому, согласно предположению Роттера, лица с более экстернальным локусом должны, при прочих равных условиях, испытывать меньшую удовлетворенность жизнью и быть более склонными к депрессивным состояниям по сравнению с лицами с более интернальным локусом контроля. Хотя результаты большинства эмпирических исследований среди европейцев и жителей США в целом подтвердили это предположение (их обзор см., напр., в: [Thompson, 1981]), однако содержали ряд нестыковок и противоречий (см.: [Averill, 1973]), свидетельствующих, что как само понятие локуса контроля, так и связь между локусом контроля, восприятием стрессов и субъективным ощущением качества жизни значительно сложнее, чем предполагал Роттер. Что важно для нашей темы, локус контроля имеет культурную составляющую: ряд исследований [Dyal, 1984; Berry et al., 2011] показывает значительную межгрупповую разницу в интернальности/экстернальности локуса контроля между представителями различных культур, причем у представителей неевропейских и аборигенных культур локус контроля оказывается значительно более экстернальным, чем у лиц европейского происхождения.

Предположение Роттера получило свое дальнейшее развитие в так называемой теории индуцированной (или наученной) беспомощности (Learned Helplessness Theory), разрабатываемой уже несколько десятилетий американскими и европейскими психологами, такими как М. Селигман и К. Петерсен. Отправной точкой этой теории является положение, что происходящие в жизни человека события влияют на его субъективное чувство благополучия главным образом через индуцирование (увеличение или уменьшение) ощущения собственной беспомощности. Авторы теории определяют беспомощность как субъективную уверенность индивида в том, что он НЕ обладает качествами и средствами, позволяющими обеспечить наступление благоприятных событий и/или предотвратить наступление неблагоприятных событий [Abramson et al., 1978]. Именно рост беспомощности ведет, согласно теории, к снижению субъективной удовлетворенности жизнью, росту пессимистических ожиданий и, наконец, к депрессивным состояниям, росту потребления психотропных веществ и повышению риска суицида.

Согласно наиболее современному варианту теории, индуцирующее воздействие событий на чувство беспомощности определяется так называемым индивидуальным атрибутивным стилем (устойчивой тенденцией оценивать причины происходящих событий определенным образом), имеющим, помимо интернальности/экстернальности Роттера (см. выше) еще два измерения: стабильность (насколько человек уверен, что данная причина способна вновь вызвать подобное событие или ситуацию) и глобальность (насколько человек убежден, что данная причина может оказать влияние на другие ситуации и события в будущем) (более подробные примеры и их анализ см.: [Истомин, 2011]). Атрибутивный стиль обычно формируется примерно к 14–15 годам и часто остается неизменным в течение всей последующей жизни [Burns, Seligman, 1989]. Наиболее важной характеристикой индивидуального атрибутивного стиля выступает разница в каузальной атрибуции положительных и отрицательных событий [Robins, Hayes, 1995]. Большинство европейцев и жителей Северной Америки склонны давать более интернальную, стабильную и глобальную атрибуцию положительным событиям по сравнению с отрицательными событиями [Oettingen, 1995], т.е. проявляют определенную экстрапунитивность. Такая разница в каузальной атрибуции положительных и отрицательных событий получила название

«самоподдерживающая необъективность атрибуций» (Self-serving attributional bias) [Miller, Ross, 1975], благодаря ей индуцирующее беспомощность воздействие отрицательных событий компенсируется воздействием положительных событий, каждое из которых, таким образом, укрепляет веру индивида в собственные силы. В результате индивид способен сохранять устойчивую структуру личности, положительную самооценку, чувство контроля над ситуацией и сбалансированную эмоциональную реакцию. Атрибутивный стиль, при котором каузальная атрибуция положительных и отрицательных событий имеет примерно одинаковую степень интернальности, стабильности и глобальности, обычно называется «атрибутивным реализмом», в то время как атрибутивный стиль, при котором каузальная атрибуция положительных событий имеет меньшую интернальность, стабильность и глобальность по отношению к таковой отрицательных событий, именуется «атрибутивным пессимизмом» [Robins, Hayes, 1995]. В случае если индивидам с такими атрибутивными стилями приходится преодолевать «трудные времена», когда в их жизни происходит относительно много отрицательных событий либо эти события связаны с сильным эмоциональным стрессом, положительные события не могут эффективно компенсировать воздействие отрицательных, что ведет к развитию чувства беспомощности. Поэтому такие лица имеют повышенный риск развития низкой самооценки, чувства неудовлетворенности жизнью, депрессивных состояний и, если стрессовое воздействие достаточно сильно, настоящей депрессии и самоубийства (обзор и метаанализ исследований см.: [Sweeney, Anderson, Bailey, 1986]).

Большинство исследований в рамках теории индуцированной беспомощности проводилось в Европе и Северной Америке, и ее кросс-культурная валидность до сих пор неясна. Было показано лишь, что в атрибутивном стиле могут быть различия между этническими и религиозными группами (обзор см.: [Oettingen, 1995]). Кроме того, роль культуры в формировании атрибутивного стиля интуитивно достаточно очевидна, что делает описанную теорию привлекательной для объяснения межкультурных и межэтнических различий в удовлетворенности жизнью, уровне алкоголизма и самоубийств.

**Атрибутивный стиль подростков — представителей
коренного и некоренного населения Тазовского района:
опубликованные и неопубликованные результаты исследования 2010 г.**

По указанным выше причинам теория индуцированной беспомощности стала отправной точкой проведенного автором в 2010 г. исследования атрибутивных стилей коренного и некоренного населения Тазовского района Ямало-Ненецкого округа [Истомин, 2011; Istomin, 2012]. Целью было проверить, насколько разница в атрибутивном стиле может объяснить более высокий уровень потребления алкоголя и самоубийств среди коренного населения. Для этого была проведена оценка атрибутивного стиля двух групп подростков 15–16 лет, обучающихся в п. Тазовский: воспитанников национальной школы-интерната (46 чел.) и Тазовской средней школы (66 чел.). Абсолютное большинство воспитанников школы-интерната составляют дети кочевников-оленьеводов и рыбаков коренной национальности (ненцы), которых, согласно федеральному закону о всеобщем среднем образовании, забирают во время учебного года из тундры для получения образования в поселке; среди учеников интерната присутствует также небольшое количество детей коренной национальности, чьи родители постоянно проживают в поселке, но еще не успели окончательно ассимилироваться. Наоборот, среди учащихся Тазовской средней школы абсолютное большинство составляют дети некоренной национальности, чьи родители постоянно проживают в поселке; меньшинство учеников — дети коренной национальности, родители которых не ведут кочевой образ жизни, постоянно проживают в поселке и достаточно хорошо адаптировались в нем. Для оценки атрибутивного стиля использовался адаптированный для российских подростков опросник ASQ (Attribution Style Questionnaire) [Peterson et al., 1982]. Опросник состоит из 12 листов, на каждом из которых дано описание типичной жизненной ситуации (например, «ваш друг неожиданно поссорился с вами» или «вы получили хорошую оценку за одну из контрольных работ»). Респонденту предлагается представить себя в этой ситуации, написать в специально отведенной строке одну причину, по которой он мог бы в этой ситуации оказаться, а затем оценить эту причину по трем семибалльным шкалам: интернальности («насколько эта причина связана с вами лично?»), стабильности («если в будущем это случится снова, насколько это произойдет по той же самой причине?»), и глобальности («насколько эта причина может повлиять на другие события вашей жизни?»). Из 12 ситуаций опросника 6 являются положительными и 6 — отрицательными. Атрибутивный стиль респондента представляется

парой значений, первое из которых является простой суммой его средних оценок интернальности, стабильности и глобальности причин положительных ситуаций, а второе — такой же простой суммой оценок причин отрицательных ситуаций.

По результатам исследования подростки — представители некоренной национальности (далее — также некоренные подростки) продемонстрировали атрибутивный стиль с выраженной самоподдерживающей необъективностью: средняя сумма данных ими оценок интернальности, стабильности и глобальности причин положительных событий была значительно больше относительно таковой отрицательных событий. Такой же атрибутивный стиль продемонстрировала небольшая группа обучающихся в Тазовской средней школе подростков-ненцев из оседлых хорошо адаптировавшихся в поселке семей, которых мы поэтому в дальнейшем относим к «некоренной» группе. С другой стороны, все обучающиеся в школе-интернате подростки-ненцы (напомним, что в подавляющем большинстве это — дети тундровиков), самоподдерживающую необъективность не проявили: различие сумм оценок причин положительных и отрицательных событий в этой группе не имело статистической значимости. Показанный подростками-ненцами (далее — также коренные подростки) атрибутивный стиль следует считать атрибутивным реализмом. Отсюда следовал вывод, что атрибутивный стиль ненцев делает их более восприимчивыми к отрицательным событиям и увеличивает для них под воздействием этих событий риск развития низкой удовлетворенности жизнью и в дальнейшем депрессивных состояний. Это могло быть одной из причин более высокого уровня самоубийств и потребления алкоголя в этой группе по сравнению с некоренным населением¹. Чтобы установить, является ли показанный коренными подростками атрибутивный стиль следствием их инкультурации или он связан с проживанием данных подростков в интернате и соответственно обусловлен принятой у нас в стране системой образования, нами была дополнительно проведена оценка атрибутивного стиля группы подростков того же возраста, относящих себя к народу коми и воспитывающихся в двух детских домах и одной школе-интернате г. Сыктывкара, столицы Республики Коми. Эта группа подростков продемонстрировала результаты весьма сходные с результатами исследования в группе некоренных подростков, обучающихся в средней школе п. Тазовский. Мы заключили, таким образом, что обнаруженное нами различие имеет культурную природу.

Придя к таким выводам, мы, однако, проигнорировали некоторые другие обнаруженные нами различия между группами, которые в то время казались нам не относящимися к делу. Так, помимо отсутствия самоподдерживающей необъективности, атрибутивный стиль подростков-ненцев отличался от атрибутивного стиля других групп также крайне низкими суммами интернальности, стабильности и глобальности оценок как положительных, так и отрицательных событий. С точки зрения теории индуцированной беспомощности этот факт не важен, поскольку значение в ней имеют не оценки причин положительных и отрицательных событий сами по себе, а именно разница между этими оценками. Однако если выйти за рамки этой теории, то анализ указанного различия дает достаточно интересные результаты. В описываемой работе мы их не привели и считаем, что настало время это исправить.

Начать описание результатов проще, снова разложив атрибутивный стиль на составляющие его элементы и сравнив показанные представителями групп средние оценки интернальности, стабильности и глобальности причин событий по отдельности. Статистика этого сравнения, выполненного методом *t*-теста, представлена в табл. 1. Поскольку результаты, показанные некоренными подростками п. Тазовский и подростками г. Сыктывкара, существенно не различаются, для дальнейшего анализа мы объединили их в одну группу некоренных подростков. Как видно из табл. 1, подростки-ненцы склонны приписывать значительно более низкие стабильность и глобальность причинам как положительных, так и отрицательных событий по сравнению с некоренными подростками. С другой стороны, приписываемая ими этим причинам интернальность была достоверно ниже лишь в случае положительных событий. Разница в интернальности причин отрицательных событий между коренными и некоренными подростками близка, но не достигает статистической значимости.

С целью более объективного исследования межгрупповой разницы в каузальной атрибуции положительных и отрицательных событий по трем элементам атрибутивного стиля мы построили три смешанные модели вариативности (Mixed ANOVA), в которых в качестве двухуров-

¹ Более подробное изложение методологии и хода исследования, его результатов и их интерпретации см.: [Истомин, 2011].

О культурно-психологических механизмах поддержания чувства удовлетворенности жизнью...

невой зависимой (внутригрупповой) переменной выступали соответственно интернальность, стабильность и глобальность оценок положительных (1-й уровень) и отрицательных (2-й уровень) событий. В качестве независимой (межгрупповой) переменной во всех трех моделях выступала групповая принадлежность, также имевшая два уровня (коренные и некоренные подростки). Анализ моделей показал, что, хотя ненецкие подростки и приписывали существенно меньшую по сравнению с некоренными подростками интернальность причинам положительных событий, отношение интернальности причин положительных событий к интернальности причин отрицательных событий оказалось сходным в обеих группах: подобно некоренным подросткам, подростки-ненцы значительно чаще приписывают себе, собственным внутренним качествам и свойствам, положительные события, чем отрицательные. Модель интернальности была единственной из наших трех моделей, в которой интерцепт независимой (групповая принадлежность) и зависимой (интернальность) переменных не оказался значимым фактором в объяснении внутригрупповой вариативности ($F = 3,25$; $p = 0,74$), что указывает на отсутствие достоверной разницы между группами в тенденции изменения (в данном случае — снижения) интернальности от положительных событий к отрицательным. В двух остальных моделях этот эффект оказался значимым ($F > 10$; $p \leq 0,001$): в то время как у некоренных подростков имеется сильное снижение стабильности и глобальности от положительных событий к отрицательным, у коренных подростков такое снижение почти или совсем не наблюдается. Подтверждают это и результаты сравнения по группам средних показателей интернальности, стабильности и глобальности причин положительных и отрицательных событий, представленные в табл. 2. Как видим, в случае подростков-ненцев можно говорить об отсутствии достоверного различия в оценках как стабильности, так и глобальности причин положительных и отрицательных событий. С другой стороны, их оценки интернальности этих причин достоверно различаются. Именно тенденцией оценивать причины положительных и отрицательных событий одинаково по критериям стабильности и глобальности (но не интернальности) коренные подростки наиболее заметно отличаются от некоренных.

Таблица 1

Сравнение (t-тест) подростков — представителей коренной и некоренной национальностей по средним оценкам интернальности, стабильности и глобальности причин положительных и отрицательных событий

Table 1

T-test comparisons of internality, stability and globality averages between indigenous and non-indigenous groups of teenagers

		Коренные подростки, ср. значение	Некоренные подростки, ср. значение	t	Статист. значимость (p)
Интернальность	Положит. события	4,78409	5,59412	-3,508	0,001
	Отрицат. события	4,17803	4,62824	-1,813	0,072 (!)
Стабильность	Положит. события	3,48864	4,84706	-6,132	< 0,001
	Отрицат. события	3,26515	3,99216	-3,120	0,002
Глобальность	Положит. события	3,43561	4,62157	-4,931	< 0,001
	Отрицат. события	3,42803	4,00000	-2,441	0,017

Из представленных результатов недвусмысленно следует, что основная причина как более низких показателей атрибутивного стиля ненецких подростков вообще, так и, что еще более важно с точки зрения индуцированной беспомощности, продемонстрированного ими отсутствия разницы в атрибуции положительных и отрицательных событий (атрибутивного реализма), кроется в крайне низких стабильности и глобальности, приписываемых ими в равной степени причинам положительных и отрицательных событий. Иными словами, подростки-ненцы, в отличие от некоренных подростков, склонны думать, что события в их жизни происходят в основном по крайне специфичным и частным причинам, которые не повторяются и не влияют на вероятность других событий. Этот вывод достаточно важен, поскольку он позволяет по-новому взглянуть на связь между культурой и атрибутивным стилем: до сих пор обсуждение этой связи в литературе в основном вращалось именно вокруг фактора интернальности и потенциального влияния на него принятых в той или иной культуре или религии моральных и нравственных стереотипов, концепции моральной ответственности и т.д. (см.: [Oettingen, 1995]). В частности, были попытки поставить в подобный контекст и наше исследование атрибутивного стиля ненцев [Istomin, 2016]. Приведенные выше результаты показывают, однако, что разница в готовности

брать на себя ответственность за жизненные неурядицы либо, наоборот, приписывать себе заслуги в случае удач в данном случае не может стать основным объяснением разницы атрибуций. Влияние культуры на атрибутивный стиль здесь лежит, видимо, в значительно менее очевидной и одновременно более интересной плоскости.

Таблица 2

Сравнение средних оценок причин положительных и отрицательных событий по компонентам атрибутивного стиля и группам подростков

Table 2

Pairwise comparisons of positive and negative causal attributions per attribution dimensions and groups of teenagers

		Положит. ситуации, сред.	Отрицат. ситуации, сред.	F	Стат. знач. (p)
Коренные подростки	Интернальность	4,78409	4,17803	15,733	< 0,001
	Стабильность	3,48864	3,26515	2,629	0,112 (!)
	Глобальность	3,43561	3,42803	0,002	0,961 (!)
Некоренные подростки	Интернальность	5,59412	4,62824	65,029	< 0,001
	Стабильность	4,84706	3,99216	52,131	< 0,001
	Глобальность	4,62157	4,00000	36,879	< 0,001

Обсуждение: индуцированная беспомощность и индуцированная безнадежность

Хотя межкультурная разница в стабильности и глобальности каузальных атрибуций ни разу, насколько нам известно, не становилась предметом обсуждения в контексте теории индуцированной беспомощности, наши находки имеют прямые аналогии в другой области исследований кросс-культурной психологии. Речь идет о получивших большую известность исследованиях культурно-специфических когнитивных стилей (обобщающее изложение этих исследований см.: [Nisbett, 2003]). Предметом этих исследований была в основном разница между жителями Западной Европы и Северной Америки с одной стороны и жителями Восточной Азии (китайцами, японцами и корейцами) — с другой, обнаруживающаяся на различных стадиях когнитивного процесса: восприятия, категоризации и инференции. Тщательные экспериментальные исследования этой разницы привели к формулировке гипотезы о существовании двух когнитивных стилей: 1) аналитического, свойственного, в частности, европейцам и характеризующегося фиксацией на отдельных объектах и их атрибутах, использованием формализованных правил инференции при значительном игнорировании ситуативных факторов; 2) холистического, свойственного, в частности, жителям Восточной Азии и характеризующегося фиксацией на связях между объектами, инференцией исходя из контекста и большим вниманием к ситуативным факторам. В контексте наших исследований важно то, что между носителями указанных когнитивных стилей была обнаружена существенная разница в характере каузальных атрибуций и вообще каузальном мышлении. Так, большое количество исследований (их описание и обобщение см.: [Choi et al., 1999; Nisbett, 2003]) продемонстрировало, что европейцам, носителям аналитического стиля, свойственно объяснение причин событий исходя из устойчивых свойств задействованных в них объектов и лиц (например, устойчивых свойств характера людей или физических свойств неодушевленных объектов, таких как масса, хрупкость и т.д.) и абстрактных закономерностей, соответствующих этим атрибутам (хрупкие вещи всегда разбиваются при падении, жадные люди никогда не делятся с другими); жители Восточной Азии — обладатели холистического типа мышления — более склонны объяснять причины событий исходя из ситуативных факторов, уникального контекста, наличных связей между объектами и/или действующими лицами и значительно менее склонны апеллировать при объяснении к устойчивым свойствам объектов и абстрактным закономерностям [Morris et al., 1994; Nisbett, 2003]. Исследователи когнитивных стилей не пытались оценивать глобальность и стабильность каузальной атрибуции исследуемых групп, но логично будет предположить, что глобальность и стабильность ситуативных атрибуций, присущих носителям холистического когнитивного стиля, должны быть заметно ниже по сравнению с атрибуциями носителей аналитического стиля мышления.

В исследовании, проведенном нами в тех же учебных заведениях п. Тазовский Тазовского района ЯНАО двумя годами позже, мы оценили холизм/анализм визуального восприятия коренных и некоренных детей и подростков [Istomin et al., 2014]. Исследование показало, что визуальное восприятие коренных подростков отличалось достоверно большим холизмом по сравнению с некоренными, что в рамках описанной выше теории указывает на их более холистич-

О культурно-психологических механизмах поддержания чувства удовлетворенности жизнью...

ный когнитивный стиль. Поэтому весьма правдоподобным выглядит предположение, что именно этой разницей в когнитивном стиле определяется разница в стабильности и глобальности каузальных атрибуций. Более того, это предположение хорошо объясняет и более высокую интернальность каузальных атрибуций положительных событий некоренными подростками по сравнению с подростками-ненцами: действительно, если эти подростки, благодаря своему когнитивному стилю склонны объяснять события исходя из устойчивых свойств действующих субъектов, то логично, что события со своим участием (напомним, что в тестовом задании мы прямо просили подростков представить себя в описываемой ситуации) они будут объяснять исходя из собственных устойчивых свойств, если только самоподдерживающая необъективность — механизм повышения стрессоустойчивости в рамках теории индуцированной беспомощности — не заставляет их поступить по-другому.

Если приведенная интерпретация наших находок верна (а она, по нашему мнению, наиболее хорошо соответствует уровню накопленных в кросс-культурной психологии знаний по теме), то приходится заключить, что продемонстрированный ненецкими подростками атрибутивный стиль должен быть характерен для культур с холистичным когнитивным стилем, в частности для культур Восточной Азии, и что носители этих культур, следовательно, должны отличаться меньшей устойчивостью к стрессам, более низкой оценкой качества жизни и большей склонностью к депрессивным состояниям по сравнению с европейцами и жителями Северной Америки. Однако в реальности мы наблюдаем скорее прямо противоположную картину: согласно данным ВОЗ, распространенность неврозов и депрессивных состояний (а также настоящей депрессии) существенно выше в Европе и Северной Америке по сравнению с Восточной Азией. Чтобы разрешить это противоречие, нам придется вернуться к теоретическим формулировкам теории индуцированной беспомощности, а именно к ее основному положению — о том, что именно индуцированная жизненными событиями беспомощность вызывает субъективную неудовлетворенность жизнью.

Напомним, что авторы теории определяют беспомощность как субъективную уверенность индивида, что он НЕ обладает качествами и средствами, позволяющими обеспечить наступление благоприятных событий и/или предотвратить наступление неблагоприятных событий. В одном известном критическом обзоре этой теории [Abramson et al., 1989] уже было показано, что положение о связи беспомощности и неудовлетворенности жизнью не является полным: субъективную неудовлетворенность жизнью вызывает на самом деле не беспомощность (Helplessness), а безнадежность (Hopelessness), т.е. уверенность, что негативные жизненные события неотвратимо произойдут либо что позитивные жизненные события не состоятся. При этом между беспомощностью, как она определяется авторами теории, и безнадежностью нет прямой логической связи: теоретически может существовать человек, убежденный, что он не в состоянии вызывать в своей жизни позитивные события и предотвращать события негативные, но тем не менее верящий, что позитивные события произойдут, а негативные события не произойдут. Такой человек теоретически вполне может сохранить чувство удовлетворенности жизнью даже при ощущении своей беспомощности. Интересно, что хотя существование подобной личности не несет в себе логического противоречия, оно, тем не менее, интуитивно кажется достаточно сомнительным. Рискнем предположить, что причина такой интуиции может лежать в описанных выше особенностях каузальной атрибуции, свойственной, согласно исследованиям школы когнитивных стилей, носителям европейских культур: склонностью объяснять события качествами объекта и общими закономерностями. Действительно, для индивида, оценивающего причины и строящего прогнозы относительно событий своей жизни, объектом этих событий выступает сам индивид, и каузальная атрибуция, следуя принципам аналитического когнитивного стиля, должна исходить из личных качеств этого индивида. Поэтому если такой индивид верит, что не обладает качествами, обеспечивающими наступление положительных и предотвращение отрицательных событий, то он приходит к убеждению — или по крайней мере к ощущению, — что положительные события не состоятся, а отрицательные произойдут. Иными словами, в рамках европейских культур с аналитическим когнитивным стилем чувство беспомощности действительно автоматически вызывает чувство безнадежности: если в результате серии каузальных атрибуций череды негативных жизненных событий, например провалов в учебе или неудач в личной жизни, европеец приходит к некому глобальному выводу относительно своих личных качеств, например «я непроходимо туп» или «я совсем непривлекательна», то дальнейший вывод «и поэтому ничего мне в этой жизни не светит» следует для него/нее уже более или менее автоматически.

Однако в неевропейских культурах, среди носителей холистичного когнитивного стиля, как связь между каузальной атрибуцией событий и беспомощностью, так и связь между беспомощностью и безнадежностью может быть не такой прямой, а то и вообще отсутствовать. Во-первых, для человека, склонного объяснять события исходя из ситуации и контекста, а не свойств объектов и их закономерностей, значительно труднее под воздействием негативных событий прийти к выводу вроде «я непроходимо туп»/«я непривлекательна». Даже если негативные события — например, провалы в учебе — имеют хронический характер, тенденция ситуативной атрибуции, имеющей по определению низкую стабильность и глобальность, существенно больше способствует обобщениям в рамках класса ситуаций, а не глобального плана. Иными словами, носителю холистичного атрибутивного стиля легче прийти к выводу «я не обладаю способностями к математике (физике, химии и т.д.)», чем «я непроходимо туп» — последний вывод должен казаться ему нерационально глобальным (с точки зрения формальной логики он и правда является таковым). Однако даже если носитель холистичного когнитивного стиля сделает подобного рода глобальный вывод относительно своей личности и испытает индуцированную беспомощность, в его системе атрибуции нет ничего, что оправдало бы вывод «и поэтому ничего мне в жизни не светит» (безнадежность). Действительно, поскольку носитель холистичного когнитивного стиля склонен объяснять события исходя из ситуации, которая по определению включает более чем один фактор и/или процесс, то никакой единственный фактор — в том числе устойчивое и глобальное свойство личности — характер события не обуславливает. Какое-то подтверждение этим выкладкам дают результаты исследования Сасатри и Росс [Sastry, Ross, 1998], одной из редких работ, посвященных межкультурной разнице в субъективном восприятии качества жизни (personal well being). Это исследование показывает, что субъективное ощущение личного контроля над происходящими событиями у европейцев неразрывно связано с положительной оценкой качества жизни: отсутствие этого ощущения (что, видимо, можно считать аналогом чувства беспомощности) ведет к потере ощущения благополучия и связанным с ним психологическим и даже психиатрическим проблемам, включая истинную депрессию. У представителей восточно-азиатских культур, с другой стороны, эта связь согласно данным исследования отсутствует.

Из сказанного следует, что для носителя холистичного когнитивного стиля вполне возможно избежать чувства безнадежности и беспомощности перед лицом большого числа негативных событий, даже не обладая самоподдерживающей необъективностью. Это, в свою очередь, вселяет сомнение в кросс-культурной валидности теории индуцированной беспомощности как таковой: вполне может быть, что ее положения и предсказания справедливы лишь для носителей европейских культур, с их аналитическим когнитивным стилем, но не для носителей неевропейских культур, обладающих холистичным когнитивным стилем. Из этого, в свою очередь, следует, что сделанный нами вывод о том, что ненцы, чей атрибутивный стиль не показывает самоподдерживающей необъективности, находятся, в условиях стресса, в большей опасности в плане развития неудовлетворенности жизнью, алкоголизма и суицида по сравнению с некоренным населением, обладающим самоподдерживающей необъективностью, являлся преждевременным.

Взамен этого вывода мы можем выдвинуть предположение, что может существовать по крайней мере два культурно-психологических механизма, обеспечивающих поддержание позитивного отношения к жизни и высокого субъективного восприятия ее качества в условиях стрессовых событий. Один из них — самоподдерживающая необъективность каузальных атрибуций — свойственен культурам, носители которых обладают аналитическим когнитивным стилем. Он заключается в тенденции оценивать причины положительных событий как значительно более интернальные, стабильные и глобальные, чем причины отрицательных событий. Другой механизм, свойственный культурам с холистическим когнитивным стилем, заключается в тенденции оценивать причины всех событий — как положительных, так и отрицательных — как обладающие крайне низкой стабильностью и глобальностью. В настоящее время нет данных, которые бы позволили сравнить эффективность этих механизмов и сказать, что один из них в каком-либо смысле лучше другого.

Выводы

Среди этнографов/антропологов бытует мнение, восходящее к тезису К. Гирца, одного из основоположников современной культурной антропологии, что именно культура сообщает человеку, что думать и чувствовать по отношению к окружающему миру и как действовать в нем. Если это мнение справедливо, то должны существовать и культурные механизмы, позволяющие человеку так отно-

О культурно-психологических механизмах поддержания чувства удовлетворенности жизнью...

ситься к происходящим с ним и вокруг него событиям, в том числе негативным, чтобы сохранить эмоциональное благополучие и позитивную оценку качества своей жизни.

В социальной психологии существует традиция искать такие механизмы в моделях каузальной атрибуции. Вершиной этой традиции стала теория индуцированной беспомощности, связанная с именем «отца» западной позитивной психологии М. Селигмана. Эта теория, связывающая потерю ощущения субъективного благополучия прежде всего с чувством беспомощности, а механизм защиты от него — с так называемой самоподдерживающей необъективностью каузальных атрибуций, имеет солидную экспериментальную и эмпирическую поддержку и допускает воздействие культурных факторов, что делает ее привлекательной для использования в кросс-культурных исследованиях. В частности, эта теория была использована нами в исследовании причин неравного распространения таких связанных с пессимистичным восприятием жизни пороков, как алкоголизм и самоубийства среди коренного и некоренного населения арктической зоны нашей страны. Результаты этого исследования вполне легли в русло указанной теории.

Однако вновь предпринятый анализ полученных нами результатов и более полная оценка их в контексте других кросс-культурных исследований показали, что наши выводы были преждевременны, а сама теория индуцированной беспомощности может не иметь кросс-культурной валидности. Хотя самоподдерживающая необъективность вполне способна служить основным механизмом поддержания позитивной оценки качества жизни среди носителей европейских культур, носители неевропейских культур могут задействовать другие механизмы. В частности, имеется в виду обнаруженная нами тенденция давать низкостабильную и низкоглобальную каузальную атрибуцию жизненным событиям. Использование этого механизма вполне может позволить сохранить позитивное восприятие качества жизни перед лицом стрессовых событий и в отсутствии самоподдерживающей необъективности. Таким образом, то обстоятельство, что подростки-ненцы не демонстрируют самоподдерживающей необъективности, может являться фактом их культуры, но не вести к меньшей устойчивости перед лицом стрессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Istomin K.V.* «Атрибутивный стиль» и проблема пьянства и самоубийств среди малочисленных народов Севера и Сибири // ЭО. 2011. № 2. С. 89–106.
- Abramson L.Y., Metalsky G.I., Alloy L.B.* Hopelessness Depression: A Theory-Based Subtype of Depression // *Psychological Review*. 1989. № 96 (2). P. 358–372.
- Abramson L.Y., Seligman M.E., Teasdale J.D.* Learned Helplessness in Humans: Critique and Reformulation // *Journal of Abnormal Psychology*. 1978. № 87 (1). P. 49–74.
- Averill J.R.* Personal Control over Aversive Stimuli and Its Relationship to Stress // *Psychological Bulletin*. 1973. № 80 (4). P. 286–303.
- Berry J.W., Poortinga Y.H., Breugelmans S.M., Chasiotis A., Sam D.L.* Cross-Cultural Psychology: Research and Applications. 2011. Cambridge: Cambridge University Press. 646 p.
- Buchanan G. McClellan, Seligman M.E.P.*, eds. Explanatory Style. Hillsdale: L. Erlbaum, 1995. 314 p.
- Burns M.O., Seligman M.E.P.* Explanatory Style across the Life Span: Evidence for Stability over 52 Years // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. № 56 (3). P. 471–477.
- Choi I., Nisbett R.E., Norenzayan A.* Causal Attribution across Cultures: Variation and Universality // *Psychological Bulletin*. 1999. № 125 (1). P. 47–63.
- Dyal J.A.* Cross-Cultural Research with the Locus of Control Construct // *Research with the Locus of Control Construct*. 1984. Vol. 3: Extensions and Limitations / Ed. by Herbert M. Lefcourt. L.: Academic Press. P. 209–306.
- Geertz C.* The Interpretation Of Cultures: Selected Essays. N. Y.: Basic Books, 1973. 471 p.
- Istomin K.V.* Once Again on the Problem of Alcoholism and Suicide among the Indigenous Peoples of the Russian North: Can Attribution Style Be a Factor? // *Sibirica*. 2012. № 11 (3). P. 1–19.
- Istomin K.V.* 'Suddenly a Binge Drinking Episode Has Happened to Him': Locus of Control, Notion of Responsibility, Alcoholism and Suicide in the Taz Region, Yamal Nenets Autonomous Okrug // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2016. № 10 (2). P. 33–46.
- Istomin K.V., Panáková J., Heady P.* Culture, Perception, and Artistic Visualization: A Comparative Study of Children's Drawings in Three Siberian Cultural Groups // *Cognitive Science*. 2014. № 38 (1). P. 76–100.
- Lester D.* Suicide and Culture // *World Cultural Psychiatry Research Review*. 2008. № 3 (2). P. 51–68.
- Miller D.T., Ross M.* Self-Serving Biases in the Attribution of Causality: Fact or Fiction? // *Psychological Bulletin*. 1997. № 582 (2). P. 213–225.
- Morris M.W., Kaiping Peng.* Culture and Cause: American and Chinese Attributions for Social and Physical Events // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. № 67 (6). P. 949–971.

- Nisbett R.E.* The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently- and Why. N. Y.: Free Press, 2003. 288 p.
- Oettingen G.* Explanatory Style in the Context of Culture // *Explanatory Style* / Ed. by G. McClellan Buchanan and M.E.P. Seligman. L.: Routledge, 1995. P. 209–224.
- Peterson C., Semmel A., Baeyer von C., Abramson L.Y., Metalsky G.D., Seligman M.E.P.* The Attribution Style Questionnaire // *Cognitive Therapy and Research*. 1982. № 6 (3). P. 287–300.
- Robins C.J., Hayes A.M.* The Role of Causal Attributions in the Prediction of Depression // *Explanatory Style* / Ed. by G. McClellan Buchanan and M.E.P. Seligman. L.: Routledge, 1995. P. 71–98.
- Rotter J.B.* Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // *Psychological Monographs: General and Applied*. 1966. № 80 (1). P. 1–28.
- Rotter J.B.* Some Problems and Misconceptions Related to the Construct of Internal versus External Control of Reinforcement // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1975. № 43 (1). P. 56–67. URL: <https://doi.org/10.1037/h0076301>.
- Rotter J.B.* Internal Versus External Control of Reinforcement: A Case History of a Variable // *American Psychologist*. 1990. № 45 (4). P. 489–493.
- Sastry J., Ross C.E.* Asian Ethnicity and the Sense of Personal Control // *Social Psychology Quarterly*. 1998. № 61 (2). P. 101–120.
- Sweeney P.D., Anderson K., Bailey S.* Attributional Style in Depression: A Meta-Analytic Review // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. № 50 (5). P. 974–991.
- Thompson S.C.* Will It Hurt Less If I Can Control It? A Complex Answer to a Simple Question // *Psychological Bulletin*. 1981. № 90 (1). P. 89–101. URL: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.90.1.89>.

K.V. Istomin

Tomsk State University
Lenin av., 36, Tomsk, 634050, Russian Federation
Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of Ural Division RAS
Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, 167986, Russian Federation
E-mail: kistomin@naver.com

CULTURE-SPECIFIC MECHANISMS OF MAINTAINING LIFE SATISFACTION AMONG THE INDIGENOUS POPULATION OF THE RUSSIAN ARCTIC

Our previous studies on the causal attributions of events occurring in the lives of Nenets teenagers from nomadic families have shown that, unlike non-indigenous teenagers of the same age from sedentary families, they do not exhibit self-serving attribution bias, i.e. the tendency to attribute more internal, stable and global causes to positive events as compared to negative ones. Since, in accordance with the Learned Helplessness Theory, self-serving bias is a protective psychological mechanism allowing people to maintain a sense of optimism under stress, it has been concluded that the lack of this mechanism in the Nenets makes them less resistant to stress, which results in an increased likelihood of stress-induced depressive states. This could explain the high level of suicides and alcohol consumption among them. However, an additional analysis of the empirical data has shown this conclusion to be premature. It has been found that the lack of the self-serving bias is mainly due to the extremely low stability and globality of causal attributions for both positive and negative events. It can be assumed that the reason for this lies in the holistic cognitive style of the Nenets. Indeed, numerous studies have shown that people with holistic cognitive styles tend to attribute causes of events to immediate situations and situational factors, rather than to general principles and sustainable attributes of the objects and people involved. Since such causal attributions have a low stability and globality, they are less likely to induce helplessness as a result of experiencing a sequence of negative events. Furthermore, even if a sense of helplessness arises, it does not automatically lead to hopelessness, that is to the individual's expectation of negative events and of the absence of positive events in the future. People who attribute the causes of events to concrete situations can maintain optimistic expectations even while believing that they personally cannot prevent negative events or make positive events happen, i.e. while experiencing helplessness. This in itself can provide individuals with protection from stress even if they lack the self-serving attributional bias. Thus, the Learned Helplessness Theory and the anti-stress psychological mechanism it postulates can be lacking cross-cultural validity: the self-serving attribution bias is not the only possible cultural mechanism against stress.

Key words: attribution style, cognitive style, self-serving attribution bias, Nenets, depression, alcoholism, suicide.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-154-165

REFERENCES

- Abramson L.Y., Metalsky G.I., Alloy L.B. (1989). Hopelessness Depression: A Theory-Based Subtype of Depression. *Psychological Review*, (2), 358–372.

О культурно-психологических механизмах поддержания чувства удовлетворенности жизнью...

- Abramson L.Y., Seligman M.E., Teasdale J.D. (1978). Learned Helplessness in Humans: Critique and Reformulation. *Journal of Abnormal Psychology*, (1), 49–74.
- Averill J.R. (1973). Personal Control over Aversive Stimuli and Its Relationship to Stress. *Psychological Bulletin*, (4), 286–303.
- Berry J.W., Poortinga Yp.H., Breugelmans S.M., Chasiotis A., Sam D.L. (2011). *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Buchanan G.M., Seligman M.E.P. (Eds.) (1995). *Explanatory Style*, Hillsdale: L. Erlbaum.
- Burns M.O., Seligman M.E.P. (1989). Explanatory Style across the Life Span: Evidence for Stability over 52 Years. *Journal of Personality and Social Psychology*, (3), 471–477.
- Choi I., Nisbett R.E., Norenzayan A. (1999). Causal Attribution across Cultures: Variation and Universality. *Psychological Bulletin*, (1), 47–63.
- Dyal J.A. (1984). Cross-Cultural Research with the Locus of Control Construct. In *Research with the Locus of Control Construct*. H.M. Lefcourt (Ed.), Vol. 3: *Extensions and Limitations* (pp. 209–306), London: Academic Press.
- Geertz C. (1973). *The Interpretation Of Cultures: Selected Essays*, New York: Basic Books.
- Istomin K.V. (2011). «Attributive Style» and the Problem of Alcohol Addiction and Suicide among Numerically Small Peoples of the North and Siberia. *Etnograficheskoye obozrenie*, (2), 89–106. (Rus.).
- Istomin K. (2012). Once Again on the Problem of Alcoholism and Suicide among the Indigenous Peoples of the Russian North: Can Attribution Style Be a Factor? *Sibirica*, (3), 1–19.
- Istomin K.V. (2016). 'Suddenly a Binge Drinking Episode Has Happened to Him': Locus of Control, Notion of Responsibility, Alcoholism and Suicide in the Taz Region, Yamal Nenets Autonomous Okrug. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, (2), 33–46.
- Istomin K.V., Panáková J., Heady P. (2014). Culture, Perception, and Artistic Visualization: A Comparative Study of Children's Drawings in Three Siberian Cultural Groups. *Cognitive Science*, (1), 76–100.
- Lester D. (2008). Suicide and Culture. *World Cultural Psychiatry Research Review*, (2), 51–68.
- Miller D.T., Ross M. (1975). Self-Serving Biases in the Attribution of Causality: Fact or Fiction? *Psychological Bulletin*, (2), 213–225.
- Morris M.W., Kaiping Peng (1994). Culture and Cause: American and Chinese Attributions for Social and Physical Events. *Journal of Personality and Social Psychology*, (6), 949–971.
- Nisbett R.E. (2003). *The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently- and Why*. New York: Free Press.
- Oettingen G. (1995). Explanatory Style in the Context of Culture. In McClellan Buchanan and M.E.P. Seligman (Eds.), *Explanatory Style* (pp. 209–224), London: Routledge.
- Peterson C., Semmel A., Baeyer von C., Abramson L.Y., Metalsky G.D., Seligman M.E.P. (1982). The Attribution Style Questionnaire. *Cognitive Therapy and Research*, (3), 287–300.
- Robins C.J., Hayes A.M. (1995). The Role of Causal Attributions in the Prediction of Depression. In G. McClellan Buchanan and M.E.P. Seligman (Eds.), *Explanatory Style* (pp. 71–98), London: Routledge.
- Rotter J.B. (1966). Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*, (1), 1–28.
- Rotter J.B. (1975). Some Problems and Misconceptions Related to the Construct of Internal versus External Control of Reinforcement. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, (1), 56–67. Retrieved from <https://doi.org/10.1037/h0076301>.
- Rotter J.B. (1990). Internal Versus External Control of Reinforcement: A Case History of a Variable. *American Psychologist*, (4), 489–493.
- Sastry J., Ross C.E. (1998). Asian Ethnicity and the Sense of Personal Control. *Social Psychology Quarterly*, (2), 101–120.
- Sweeney P.D., Anderson K., Bailey S. (1986). Attributional Style in Depression: A Meta-Analytic Review. *Journal of Personality and Social Psychology*, (5), 974–991.
- Thompson S.C. (1981). Will It Hurt Less If I Can Control It? A Complex Answer to a Simple Question. *Psychological Bulletin*, (1), 89–101. Retrieved from <https://doi.org/10.1037/0033-2909.90.1.89>.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 11.12.2018

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019